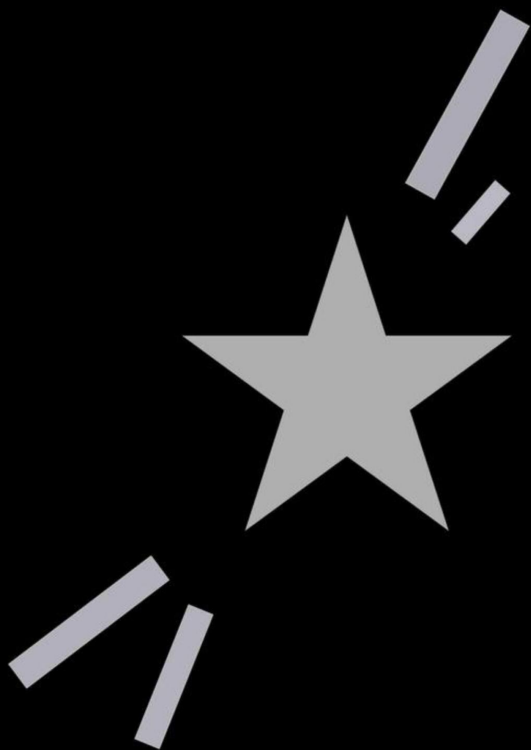


Небьющееся сердце



Кира Ли

Кира Ли

Небьющееся сердце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70437691

SelfPub; 2024

Аннотация

Все мы когда-то обращались к звездам : за советом, поддержкой или без причин. И никогда они нам не отвечали. Лин – не исключение, однако вот звезда может смотреть в его глаза, держать его за руку и улыбаться ему. А он может только одно – любить ту, что очень далеко.

Кира Ли

Небьющееся сердце

Иногда небеса выручают нас. Освещают дорогу во тьме, подсказывают верный путь и лечат душу простотой, безмолвием и отсутствием приказов.

Лин любил свое королевство. Кропотливо готовился изо дня в день стать его главой, заменив собственного отца. Его привлекали позолоченные коридоры, большие холлы с гулким эхом, презентабельный вид замка и бесценные знания о том, как управлять не только своей жизнью.

И каждый день он понимал, как не готов. Лину хватало ума, сил и терпения, но не доставало истинного желания. Оно было, но слишком маленькое, крохотное. Вечные вопросы, речи Короля и Королевы о том, что делать важно и почему не существует того, что делать не важно, их указы и головокружительные детали. Обязательства душили его с пробуждением, а неудачи ломали кости перед сном.

Безусловно, легко быть не должно, но Лин ощущал, как на него давит все вокруг, только солнце поглощает тьму на земле. С возвращением же Луны, которая никогда не бросала в одиночестве принца – жизнь скидывала оковы.

И Лин любил ее. Девушку с небес. Она его не просто привлекала – она была для него совершенно всем в этом мире.

Самим миром.

Словно придя на зов одной серебряной ночью, она покинула пустое небо и Луну, явив собой не яркую далекую звезду, а девушку из плоти и крови. Ее улыбки освещали мрачное сознание Лина, а глаза, будто бы лазурное небо в самый прекрасный день, выхватывали из громадных волн тревоги парня, а молчание заставляло дышать. Чудесная, с идеальной чистой кожей, белоснежными волосами, что никогда не смели меняться : всегда прямые и завязанные маленькими прядками в хвостик за спиной, ниспадающий до поясницы. Изящество рук уносило Лина в полет, а грация походки оживляла из могилы.

Она никогда не говорила. Не умела, ведь та была не обычной девушкой. Она была звездой. Не знала слов и не нуждалась в них. Не понимала грубости и не встречала ее ни разу. Все же Лин понимал ее.

Глаза умело отвечали, а улыбки говорили больше, чем какие-то не были звуки. Лин рассказывал ей о многом, пока та охотно слушала и понимала речь парня. Он поведал ей о путешествиях, непроходимых зимах и влажных джунглях, соседних королевствах, их прелестях и недостатках. Пересказывал любимые книги – не все являли собой нечто увлекательное для внеземной девушки, посему Лин открывал для себя небольшие истории не про управление королевствами, боевые искусства или значения заумных слов, а про мечты с крыльями, что порхали словно бабочки, и желания совсем

недостижимые.

А она слушала забвенно. Радостно и с нетерпением. Так хотела узнать конец очередной истории, но Лин держал паузу, знал, как лучше преподнести финальные слова и как сделать из искусства еще большее искусство.

Она никогда не пела. Просто не умела, не знала, что это такое, и не видела прекрасного в сочетании звуков. Но пел Лин. Он навевал ей свои знакомые мотивы, забытые, отложенные в дальний угол, с надеждой когда-то вспомнить то, что учил давным давно в детстве. Ему хотелось большего и он вспоминал вместе с лучами солнца старые песенки, играл на фортепиано, желая передать ей ночью все чувства музыки. Он пел и она покачивала головой в ритм, преподносила мягко, нежно, как облака плывут по небу, фарфоровые пальчики к бледным губам, когда звучание захватывало дух.

Голос Лина – не громкий, а приятный на слух и приглушенный – наполнял низовья пустой поляны. Далеко покоился его замок с безразличием к Лину, его сказкам и песням. Лишь Луне, девушке, что спустилась с небес, и одинокому высокому дереву были понятны не слова, а чувства.

Лин приходил всегда на одно и то же место – дальше чуть от дерева и намного дальше от своего дома. Не хотел беспокоить растение – высокое и статное. Свой замок же Лин не мог беспокоить – там происходили вещи, которые наполняли сооружение вечными проблемами. Лин должен был быть спасением.

Она никогда не танцевала. Не умела двигаться слишком быстро, не умела кружиться – теряла равновесие, не умела создавать телом искусство в движении. Это ей и не было необходимо. Ровная осанка, строгие руки и кукольная голова и без того представляли собой ценную скульптуру. Но и Лин не танцевал. Конечно, умел, однако вот не желал, чтобы девушка спокойно сидела, пока тот показывал ей мелочи танца. Он просто хотел быть рядом – в тишине и безопасности.

Звуков порой вовсе не существовало. Ветер ни разу их не тревожил, светлячки изредка – когда ночь столь сгущалась, что Луна не справлялась. Они лежали на приятной траве изумрудного цвета, касаясь кожей кончиков травинок и смотрели друг на друга. Он взлетал в ее небесных глазах, а она гуляла по его карим глазам, наполненными нежностью. В редкие моменты она сплетала их руки в единое целое – Лин же никогда не позволял себе первым сделать это, пускай желал более глотка воздуха. Кожа девушки : бархатная, гладкая и словно не настоящая. Трудно было поверить в ее реальность. И казалось, только тронь ее, она рассыпется – превратиться в несбыточные мечты Лина, оставит после пепел, который наконец унесет ветер.

Но когда его за руку брала она, то никуда не исчезала. Не менялось ничего вокруг, но внутри Лина каждый раз возникали новые краски. Он ощущал такие же чувства, какой была эта девушка – внеземные.

-Знаешь, я в детстве всегда тянулся, словно деревцо к солнышку, к необычным историям. К книгам, на первый взгляд ничем не отличающимся, ностойло прочесть страницу, как прямо на них возникали краски.

Она приподняла светлые ровные бровки и удивленно склонила голову влево, ожидая пояснения. Совсем как птичка.

-Мне не нравились научные книги с невероятно мелкими буквами и иногда даже читал с лупой их, представляешь? - Лин усмехнулся чуть громче, а она шире улыбнулась, не в силах ощутить свой смех и показать его. -Серые, скучные правила, как жить, как управлять своей жизнью, а также чужими, как заставлять, принуждать, щадить, прощать и обвинять. Законы природы, всеобщие знания, написанные сложными словами – я читал все, понимал каждую строчку и наизусть знал целые тома. Но когда брал в руки нечто из другого измерения, я в действительно понимал, насколько моя душа плачет без этих историй. Я помню одну – самую любимую. Мне было, наверное, шесть. Не смогу вспомнить все до единого слова, однако вот помню, там была девушка...-Звезда, что спустилась в облик человека, улыбнулась и смущенно хлопала ресничками, а Лин залился тонким румянцем. -...и пират, который встретил ее во время морских путешествий. Они оба влюбились и потеряли головы, но не могли разделить эту судьбу вместе. Она была заколдована...и не могла выходить замуж за человека, кто был ниже той по чи-

ну. Пират – изгой того, иного мира. Однако вот ей удалось снять проклятие с себя – перестать быть прикованной к своему дворцу, перестать быть выше других. Она отказалась от семьи и будучи певицей – лучшей за все времена, лишилась голоса. Отправилась искать пирата везде, где только могла... и проходили года. Отчаявшись, она как то попала на пустой песчаный берег. Босыми ногами ощущала морскую пену, приятную водичку и песок. Тогда то она встретила того, кто снял с нее проклятие... вроде бы, это был парень с душой демона. Спросил, не хочет ли она вернуть былой статус, былую судьбу и былой голос. Девушка сказала, что нет. За годы поиска возлюбленного пирата она нашла себя. Нашла, какой запах цветов нравится ей больше всего, какой лес приветствует ее теплее, какую мелодию приятнее всего играть на фортепиано. Она поняла, где мечтает в самом деле жить: в далекой деревушке с коровами и кроликами, с лугом, урожаем и речкой, а возможно целым морем. Эта девушка поняла, кто она без проклятия, что держало ее там, в крепости, обязанной семье музыкантов стать такой же великой в этом деле. -Завороженная, прекрасная девушка смотрела на Лина и рисовала в голове все, может, и больше, чем говорил он. Она не смела перебивать его не потому, что не могла сказать что-либо – потому что она хотела услышать душу парня. Его мысли. -...и знаешь в чем самый секрет этой истории? - Она покачала головой, словно говоря : «Нет, но скорее, скорее скажи!», -...никакого проклятия не было. Она вообрази-

ла его сама. Точно так же, как и демона. Осознала – это были ее оковы, сама она приковала себя к дому и семье. Идевушка поняла – она говорила. Всегда могла.

Приятное удивление на лице спутницы Лина сладили его душу, как солнечные лучики. Ей понравилось, притом невероятно. А глаза блестели, как сами звезды, высоконад головой.

Лин огорчился, но не стал показывать это своей собеседнице. Он скучал по таким историям и, к сожалению, понял : эта была его первая и последняя. В самом деле, он никогда не читал что-то помимо, никогда не видел другие мира. И все потому, что мать, только заметив в руках сына глупую детскую сказку, запретила чьим то фантазиям дружить с Лином – принцем и будущим королем.

«А еще...» – спросила она, смущенно прижимая плечики и опуская глазки. Переживая, что может затруднить Лина, потревожить его. Он же, с нежностью в голосе, ответил.

–А следующая – следующей ночью. Новая ночь – новая история.

У Лина не было этих историй, но он знал – он прочитает все сказки мира, дабы поделиться ими с ней.

Она никогда не рисовала, как и Лин. Но одной ночью принц принес ей пару сверток чистого пергамента с манящим запахом чего-то очень приятного. А также кусочек угля. Лин любил обламывать уголь и писать именно им, одна-

ко важные бумаги требовали от него презентабельный вид, посему данную идею стоило отбросить назад, в детство, где ему запрещали все и давали скучную альтернативу.

Оба не умели делать это искусно, но она была внеземной девушкой, а он принцем. Любая черта, даже лишняя, несуразная, на пергаменте выглядела как идеал мирового творчества.

Они пытались рисовать друг друга. И оба проводили часы, держа черный уголь в руках и пытаясь создать копию сидящего напротив. Признаться и ей, и ему все равно было на конечный результат. Им нравился процесс. Не рисования самого, а изучения.

Он узнал, что ее реснички очень тонкие и не такие длинные, как могло казаться. Узнал, что ее ушки похожи на ракушки моря, а губы были цвета свежего персика. Глаза, как небо в ясный день, сочетали в себе облака и волны спокойного океана. Он видел ее насквозь и мог нарисовать любую черту лица, но никогда не смог бы нарисовать ее мысли.

Она же воплощала его глаза как темный сосновый лес с белочками и лисами. Темный, но не из-за страха, а из-за густых крон деревьев, что проводят малую часть света. Девушка видела его приятные скулы и рассматривала с тянущейся долготой шею, ключицы и руки. Повторяла его образ на пергаменте. Могла рисовать и его, и его мысли. Те истории, что он ей ведал. Однако вот она никогда не воплощала свои. Вероятно, не хотела, а вероятно, их просто не было. Лину не

верилось, что такая чудная девушка может не иметь захватывающих историй. Но он не знал ее жизни, ее измерения и ее воздуха. Нуждалась ли она во сне, пище, дыхании и свете? Лину было не интересно. А она не говорила об этом, ведь знала – Лина никогда не оттолкнет от ее мира. Если он решится – он примет все, дабы быть с ней, держать за руку, не отпускать никогда.

Лин думал о ней всегда. Когда смотрел на нее вблизи, на нее, уходящую босиком в самую ночь, и когда просыпался. Границы меж его и ее миром словно смылись, как камешки на песке сильным порывом волны. И он хотел знать, думает ли она о нем также часто? Но напрашивалась мысль : а разве это важно? Может, и да, но Лин не знал, какие чувства – правда, а какие лишь туманят сознание, не знал, что ощущать и что думать.

Может, не думать вообще? Думала ли она? Работает ли ее мозг также, как у Лина, либо она делает все, опираясь на сердце, ощущения, на кожу, что касается принца?

Слушала сердце или себя? А в чем, собственно, отличие между ощущениями сердца и самим человеком? Ведь сердце – источник жизни, без которого не было бы столь прекрасных созданий – людей. Почему разграничивают тело, разум и сердце? Почему это не единое целое?

А была ли она таким же человеком, каким был Лин?

Принц знал ответы на многие вопросы этой жизни, но точ-

но не на эти. Время спустя он наконец пришел, но не к ответу, а к осознанию. Их не существует. Отвечать на эти вопросы нет смысла, ведь это и есть ключ к разгадке – сами эти вопросы являются ответами.

Лин всегда имел предрасположенность к логической деятельности, причем идеальной. Он понимал исходы, когда событие даже еще не началось, и по одному слову мог понять мотив длинной речи, либо же по одному кивку осознать, что случилось. Но любовь, как известно всем, меняет человека в корни. И Лин, хоть и являлся принцем – к тому же особенным, умеющим говорить со звездами, не был исключением данного принципа. Никто не исключение.

Ночь оказалась роковой.

Однажды, потеряв счет времени, Лин пришел на поляну поздно. Впервые она ждала его. Стояла, как статуя, на их любимом месте, будто бы не живая вовсе – вероятно, таковой и была. А он, поникнув, с опущенной головой, волочил медленно ноги, касаясь пятками грустной травы. Принцу казалось, даже дерево спустило ветви слегка вниз, выказывая печаль.

Она без обещанной улыбки, что сталонеожиданной обыденностью, ждала, пока Лин скажет хоть слово, и он, в тишине глубокой, которая обоих топила в безграничном океане, наконец услышал то, что так ждал. Биение ее сердца. Оно громыхало и стремилось выпрыгнуть прямо в руки Ли-

ну. Боялось, трепетало и дрожало.

Лин этого никогда не осознает, но в самом деле это было его сердце.

–Невеста. -Только и сказал Лин.

Неважно, поняла ли она значение этого слова или понятия не имела. Но она догадалась обо всем ранее, чем он заговорил. А ведь Лин даже не поднял глаз. Не смотрел на нее. Но она знала.

Это была их последняя ночь.

Все ощущалось по-иному. Рука ее холодная, как самая далекая планета от Солнца, а его – жесткая, как у будущего короля. Как у парня, дальнего от чего-то вземного. Они старались не смотреть друг на друга дольше пары секунд, иначе слезы затопили бы весь мир и все небо. Иначе они бы попросились. Но никто не хотел делать это, никто не желал подводить все их бесконечные ночи к этому.

К концу.

Лин не мог отказать отцу и матери. Не мог отказаться от своего трона и королевства. Та самая любимая история из детства была не для него. Он не хотел отказываться от того, что было для него домом. Не мог отказать от себя. От своего мира. И сердце, пускай жаждало бросить все и уйти с этой чудесной девушкой, ее безмолвием и ее глазками, но оно также знало правильный ответ на правильный вопрос. Сердце выбрало биться за Лина, не за нее. Мысли и надежды принца, что он готов, он силен, дабы положить в ее ноги все

свои заслуги, весь свой труд и будущее, развеялись в прах. Он не справился.

И она знала. И не плакала, ведь была счастлива, как будет и Лин. Но будет счастлив не с ней и не в ее мире, а у себя дома. Она прекрасно понимала его тягу к королевству и знала, как он желает убежать. Но в самом деле Лин хотел убежать от того, что может изменить. Он сможет уничтожить любые приказы родителей, только станет королем; сможет убрать для себя вечные серые дни с невестой; сможет читать самые невероятные истории; танцевать без веревок, что сковывали его ноги. Что он будет делать там, где для него не найдется места?

По ее щеке пробежала быстрая ледяная слезка, будто бы чистый кристаллик. Она упала на ее нагие пальцы ног и словно приковала к самой земле, не разрешая ее покидать. Вторая задержалась на щеке, и Лин смахнул ее ласково, прежде чем та упала бы следом за первой. Ему на миг почудилось: вот-вот и она исчезнет – девушка, подарившая Лину ночи, какие стали отдельной жизнью и всегда будут. Но она не развернулась спиной, не обратилась в звездную пыль – ничего. Лишь смотрела в самые теплые глаза принца и плакала, пока лицо не выражало ни единого чувства.

Лин посмотрел на нее как в первый раз. Ему была нужна девушка с небес – фарфоровая кожа, голубые ледяные глаза, как океан, четкое движение рук и ее желание услышать очередную историю. А так же безмолвие.

Но она просто ушла. Сделала два шага, и рядом уже не было. Оставив после себя только тяжелое каменное чувство, поглощающее с ног до головы принца.

Но он не боролся, потому что знал, что проиграет.

Невеста была чудесной. Совершенно красивой, с ореховой кожей, длинными ресницами, большими глазками цвета листьев дерева и пышными платьями, что имелись у нее сотнями. Соседнее королевство и блестящий ум. А так же смех, голос и любовь к пению.

Добротой этой девушки можно заполнить целый мир, и ее лаской – что доставалась одному только Лину – спасти самую темную душу. Принцесса знала обо всем, умела сочетать цвета столь искусно, готовила не обычные блюда, а целые шедевры.

На удивление многих, она была довольно интересна Лину. Не понадобились года – глупые пару дней. Она говорила часами и так увлекательно, что порой Лин забывал, где находится. Она слушала его, поддерживала словами и делилась столь мудрыми вещами. Вместе принц и принцесса пели вечерами, танцевали на берегу озера на закате, читали забытые всеми книги про приведения, фей и чудеса.

Все же эти дни являли собой многоточие, в то время как их свадьба стала точкой.

Ничего необычного для королевской семьи, но для обычных горожан – неведомый праздник. Идеальные скатерти,

круглые столы, резные стулья из настоящих стволов деревьев, самые причудливые музыкальные инструменты : невероятных форм и размеров пианино и арфы. Музыка лилась без конца, заполняя задний громадный сад замка семьи Лина и воодушевляя каждого приглашенного. Самая лучшая еда ожидала гостей, набивая столы и маня запахом. Цветы, кустики, редкие виды растений окружали собравшихся, перетягивая все внимание на природную красоту.

За весь день с самого утра от Лина никто не дождался улыбки. И даже тонкого на нее намека. Принцесса не смела задавать вопросы, подходить и докучать, она просто разрешила Лину проститься с тем, о чем даже не догадывалась. Он никогда не рассказывал много о себе и вряд ли нуждался в поддержке будущей невесты. И Лин безмерно благодарил ее молчаливым взглядом, а она натягивала роскошную улыбку растущей королевы и отвлекала окружающих от печали Лина. Защищала его грусть.

Сама церемония проводилась около фонтана, куда поставили красивые стулья, а камень под ногами был украшен лепестками роз, дабы показать, где пройдут принц и принцесса. Арка, казалось, вела в иной мир, столь прекрасной была. Плющ и цветочки разных оттенков и запахов сочетались как никогда лучше, а закат – скорее нежно фиолетовый, чем розовый – приятно освещал сад.

И Лин не заметил, как минуты убежали из-под его контроля и силой заманили принца под арку – к священнику,

что нетерпеливо улыбался. Он осмотрел толпу – та ликовала радостными возгласами и ослепляла Лина счастливыми глазами. Его мать плакала скромно, как подобает Королеве, а мать невесты смеялась от восторга.

Конечно, он знал, что увидит ее.

Девушка с небес со своей ровной осанкой и строго поднятым острым подбородком, будто была на самом деле статуей, неподвижно стояла в самом конце ряда жениха. Глаза Лина тут же забрал знакомый образ и не думал даже отпустить – не хотел.

На ее лице была улыбка. Но не привычная принцу – не та, что создавала аромат смеха, не та, что выказывала трепещущий интерес. Улыбка принятия и улыбка прощания. Оба знали, зачем пришла сюда девушка, что ею не была.

Попрощаться.

Лин мечтал только об дном – забыть, что находится во-круг, закрыть глаза, перестать слышать музыку и ощущать на себе свет уходящего Солнца – он хотел услышать присутствие Луны на небе, ощутить колкую траву под собой, ночную прохладу и ееруку. Взять ее первым и никогда не отпустить более. Не сметь никому разрушить нить, что тянулась сквозь целое небо – от Луны и до Земли.

Однако вот была она не одна. И за руку держал ее не Лин. Парень – худой, с кожей, какой обладала она, в точности такими же глубокими глазами небесного цвета, персиковыми губами и ровной осанкой, высеченной из мрамора. Переведя

взгляд снова на нее, Лин осознал истинный визит. Не просто увидеть в последний раз, сказать глазками «Пока!», а показать, что остались только осколки от воспоминаний, не более.

От их ночей в спокойствии и внезапной любви остался призрачный дух. Призраков Лин боялся в детстве, но, повзрослев, понял: некогда они имели свою историю, жизнь и эмоции. Все в мире становится прошлым чего-то настоящего, но это вовсе не значит, что становится неважным.

Воспоминания, как призраки – безобидные и требующие уважения.

Требующие, чтобы их помнили.

Спустя миг они пропали, и Лин не понял, когда это произошло, тем более, каким образом. Просто два пустых места. Два...

Ночью, после свадьбы, он пришел на поляну. Лин был не босиком, не в обычной легкой рубашке – а в официальном виде. Походка тащила его вниз, земля звала старого друга прилечь, но Лин игнорировал все, что слышал и чувствовал. Это не его дом. Его дом – замок за спиной, королевство, где он родился, провел годы жизни и где его ждет жена.

Одинокое дерево неизменно росло на прежнем месте, и, окинув его взглядом, Лин грустно улыбнулся.

Подняв голову наверх, Лин узрел на небе пару звезд, что ярко светили. Одной из них была она. И был он. Принц –

будущий король целого королевства – радовался, как ребенок, который сделал свой первый шаг, за девушку, что нашла того, кто действительно поймет ее. И этим человеком не являлся Лин, как он не желал бы это исправить. Лин, по правде, готов был лишиться всего и положить мир у ее ног – свой мир, отдать все. И он предложил ей сделать это, однако вот, всегда решение было за ней. И она приняла его в ту ночь. Не стала бороться, ведь знала – они могут победить. Но какой ценой? Лину придется потерять все, что так ценит он ради девушки, что была звездой, и уйти в мир, где не найдет себе места. Не хотела отнимать чувства Лина, будущее – великолепное будущее настоящего сильного короля. Она знала, что Лин не нуждается в мире, чем стала для него – он сам может сотворить его, создать собственный мир.

И она нашла себе того, кто является правильной частью ее пазла. А Лин нашел свою частичку. Но в их картинах всегда будет чего-то не хватать.

В его – неба, а в ее – земли.